

«КЛАССИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНЬИЦЕ»

За свою долгую жизнь (1754—1841) А. С. Шишков написал ряд произведений, снискавших ему широкую известность и определивших его литературную репутацию: «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (1803), «Две статьи из Лагарпа с примечаниями переводчика» (1809), «Рассуждение о любви к отечеству» (1812), манифесты 1812 года и др. Тем более любопытно, что самой устойчивой популярностью пользовалось его детское стихотворение, а не филологические и политические сочинения.

В 1785 году в Петербурге вышла из печати «Детская библиотека», которая представляла собой «отчасти перевод, отчасти же подражание»¹ Шишкова «Kleine Kinderbibliothek» — хрестоматии, составленной немецким писателем и педагогом И.-Г. Кампе и издававшейся в Гамбурге с 1779 года. Впоследствии она неоднократно перепечатывалась. Книга Шишкова также имела большой успех и до 1846 или 1847 года выдержала около десяти изданий. В этой книге Шишков ввел в русскую литературу жанр «детских песенок» — стихов, написанных от лица ребенка; в них дети рассказывают о своих занятиях, делятся мыслями и чувствами. Судя по воспоминаниям современников, в первую очередь песенки определили то признание, которое книга нашла у читателей. Самой известной из них была «Николашина похвала зимним утехам».

Хоть весною
И тепленько,
А зимою
Холодненько,
Но и в стуже
Мне не хуже:
В зимний холод
Всякий молод,
Все игривы,
Все шутивы:
В долгу ночку
К огонечку
Все сберутся,
Стары, малы,
Точат балы
И смеются.
А как матки
Придут святки,
Тут-то грохот,
Игры, хохот;
О какие
Тут дурные
На игрищи
Есть личищи!
А плутишкам
Ребятишкам
Там и нравно,
Где забавно,
Где пирушки,
Где игрушки
И где смехи,

Скачки, пляски,
Песни, сказки,
Все утехи.
А снежки-то?
Ком, свернися!
А коньки-то?
Стань, катися!
А солазки?
Эй, ребята!
По подвязке
Надо с брата:
Привяжите;
Ну! Везите:
Едем в Питер.
Я пусть кучер,
Вы лошадки
Резвоноги —
Прочь с дороги!
Держи право!
Ай, ребятки!
Ну уж bravo!
Накатались,
Наигрались,
Вплоть до ночки;
Не видали,
Как часочки
Пролетали.
Только ль дела,
Что катайся?
Чем изволишь,
Забавляйся:

От ученья
За веселье,
От веселья
За ученье.
Всяко время
Мне не в бремя,

И зимою,
Как весною,
Слава Богу,
Не скучаю,
Но вкушаю
Радость многу².

С. Т. Аксаков, считавший «Детскую библиотеку» «лучшею детскою книгою», среди входящих в нее стихотворений «истинных сокровищ для маленьких детей» — называл «лучше всех написанной» именно «Николашину похвалу»³.

П. В. Засодимский, в отличие от Аксакова, книгу Шишкова в детстве явно не читал; все же, упоминая о ней в своем «Очерке истории детской журналистики в России (по 1869 год)», он посвятил несколько строк именно этим стихам: «В «Библиотеке» есть одно классическое стихотвореньице, которое отцы наши заучивали, бывало, наизусть и передавали потомству. Это «Николашина похвала зимним утехам» <...>»⁴. Примечательно, что В. Г. Белинский, хотя и назвал это стихотворение в одной из своих рецензий похожим на «выходцев с того света», тоже дал ему определение «классического»⁵.

В. Я. Стоюнин в написанной им биографии Шишкова рассказывает: «В тридцатых годах, в своем детстве, я еще слышал от некоторых лиц не совсем пожилых, которые произносили стихи, заученные ими в детстве:

Хоть весною и тепленько,
А зимою холодненько,
Но и в стуже мне не хуже,
В зимний холод
Всякий молод...

Или

Дорогой школьник шел
И финик он нашел,
К сладям ребята падки,—
А финики ведь сладки.

<...> Вероятно, и теперь во многих захолустьях Русской земли повторяются эти столетние детские песенки»⁶.

Очевидно, стихотворение действительно было у всех на слуху — настолько, что его трудно было не замечать. Это, конечно, раздражало тех, чьим литературным вкусам «Николашина похвала...» не соответствовала. Так, П. А. Вяземский был недоволен тем, что В. А. Жуковский поместил ее в «Собрании русских стихотворений»⁷, а рецензент «Московского телеграфа» в 1831 г. негодовал по поводу того, что в «Сокращенной русской грамматике» А. Х. Востокова «статья о Стопосложении нейдет к делу, и приклеена тут Бог знает для чего. Правда, всего четыре странички! Замечательно, что Автор нашел случай употребить два раза стишки:

Хоть весною
И тепленько,
А зимою
Холодненько»⁸.

Популярность этих стихов отчасти объясняется забавным случаем, записанным И. А. Гончаровым. Дав прочитать своему слуге, любившему стихи Жуковского, но не понимавшему их, «Николашину похвалу...», он

услышал презрительно-разочарованное: «Это каждый мальчишка поймет или деревенская баба»⁹. Стихи в самом деле очень просты.

Однако ни простота, ни двухстопный хорей с женскими рифмами, легкий для запоминания и детской декламации, ни даже удачная передача Шишковым конкретных игровых реплик, неумемной детской энергии, радости движения, праздничного восторга, мимолетного испуга при виде страшных масок не могли обеспечить стихотворению того успеха, какой ему выпал.

Здесь уместно будет привести высказывание Н.В.Сушкова, который, поделив всех российских литераторов на «чисто-русских», «полу-русских» и «анти-русских», замечает: «Впрочем, что касается русско-простонародного направления, как ни странно покажется с первого взгляда, а нельзя не назвать в числе деятелей русско-простонародной школы и А. С. Шишкова: его, всюю Русью затверженные стихи: «В зимний холод всякий молод» и т.д. доказывают, сколько сочувствовал ей наш строгий классик и почтенный родоначальник славянской школы»¹⁰.

Секрет успеха, по всей видимости, действительно связан с проблемой «народности», с развитием русского национального самосознания. Шишкову хорошо удалось обыграть один из стереотипов этого сознания: Россия — страна снегов, зима — русская стихия. И действовать на национальные чувства это стихотворение должно было тем более безотказно, что на протяжении почти половины текста неясно, какого возраста говорящий; то есть эта первая половина или даже несколько начальных строчек вполне могли существовать как своего рода «крик русской души», гордой сознанием своей русскости, и произноситься от собственного лица человеком любого возраста. И в этой связи примечательна неоднократная замена личного «мне» («в стуже *мне* не хуже») на собирательное «нам» при цитировании стихов мемуаристами¹¹. В какой-то момент (и на какое-то время) «Николашина похвала...» превратилась из детской песенки в своеобразный патриотический пароль, причудливо соотносясь с образом своего автора.

С. П. Жихарев так пишет о своих впечатлениях от первой встречи с Шишковым: «С большим любопытством рассматривал я почтенную фигуру этого человека, которого детские стихи получили такую народность, что, кажется, нет ни в одном русском грамотном семействе ребенка, которого не учили бы лепетать:

Хоть весною
И тепленько,
А зимою
Холодненько,
Но и в стуже
Нам не хуже, и проч.»¹².

В своем «любопытстве» он вряд ли был одинок. Дело в том, что ситуация «адмирал — детский поэт» сама по себе была необычной: к литературе для детей относились как к занятию, не требующему «ни большой учености, ни красот слога и воображения»¹³. Образ вельможи, государственного мужа, сочиняющего детские «стишки», привлекая к себе внимание, открывал простор для всякого рода шуток и насмешек. Если

вспомнить о репутации Шишкова — одного из основателей «Беседы» (а она, в свою очередь, многими осознавалась как сборище бездарных поэтов, пишущих «холодные» — не согретые ни искрою таланта — стихи), то неудивительно, что «Николашина похвала...» была обыграна в «Арзамасе». В арзамасском восприятии «грубость» и «бессмыслица» этих стихов свободно проецировались на аналогичные качества «Беседы», «зимний холод» мог легко связываться с ее бесплодностью и пустотой, а светлая и всеобъемлющая святочная радость, удачно переданная Шишковым, — с комичной и нелепой парадностью «беседных» заседаний (обычно начинавшихся в ноябре-декабре). Самому же Шишкову, естественно, выпадала в этой системе представлений роль Деда Мороза — повелителя зимней стихии и вместе с тем персонажа в основном детского, сказочного, несерьезного. С этим гармонировали и черты внешности Шишкова, запечатленные на его многочисленных портретах: седые волосы, насупленные брови.

На заседании «Арзамаса» 25 ноября 1815 года С. С. Уваров («Старушка») произнес речь, где использовал «Николашину похвалу...» и попутно высмеял занятия Шишкова детской литературой: «У подошвы русского Пинда, посреди Беседы, цвела некогда нежная и скромная певица (А. П. Бунина.— К. Б., Е. Л.). С самой колыбели она почувствовала влияние гениев и *вздрагивала* при имени *Седого Деда*. В зимний холод согревалась она у пламенника его поэзии. Сбравшись к *огонечку*, вся семья внимала с восхищением истинно ребяческим повестям *Седого Деда*; а когда *матки придут святки*, то юная Сафо предавалась всем движениям пылкого воображения; но и тогда мысль о возлюбленном была с нею неразлучна; играя в *снежки*, или в *салазки*, младая певица твердила его неподражаемые стихи и, слава Богу, вкушала *радость многу*»¹⁴.

Эта пародия была не единственной. Как сообщал в III Отделение Ф. В. Булгарин в конце апреля или в начале мая 1828 года, «на счет отставки Шишкова сочинена небольшая радостная песенка. Представлено, будто Шишков сидит в Российской академии и пародирует известную свою песенку для детей, сочиненную им в молодости.

Пародия
Хоть в России и умненько,
В Академии глупенько,
Но и в луже
Нам не хуже,
Здесь Хвостовы, Соколовы и т. д.

Настоящая песня
Хоть весною и тепленько,
А зимою холодненько,
Но и в стуже
Нам не хуже,
В зимний холод
Всякий молод и т. д.»¹⁵.

Несмотря на широкую популярность «Детской библиотеки» в целом, «Николашина похвала зимним утехам» имела и собственное литературное бытие. Она стала знаком всего сборника; она связывала несколько поколений людей, которые в детстве читали ее (а иногда и учились по «Детской библиотеке» грамоте) или, по крайней мере, слышали. Выйдя из детского возраста, они продолжали слышать это стихотворение, повторяли его, восхищались им или ругали его и размышляли над тем, чем же оно было для русской литературы, не замечая, по-видимому, что оно стало частью их самосознания и, таким образом, вышло за рамки чисто литературного факта.

Примечания

- 1 Предупреждение // Собр. соч. и переводов адмирала Шишкова. Ч.1. СПб., 1817. С. 1 (нenum.).
- 2 Там же. С. 143—145.
- 3 Аксаков С. Т. Собр. соч. в 4 т. Т. 1. М., 1955. С. 361—363.
- 4 Педагогический листок. 1878. № 3—4. С. 179.
- 5 Белинский В. Г. Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 8. М., 1955. С. 244.
- 6 Стоюнин В.Я. Исторические сочинения. Вып. 1. Александр Семенович Шишков. СПб., 1880. С. 30.
- 7 Собрание русских стихотворений. М., 1811. Ч. 2. С. 244—246. Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского. Т. 1. СПб., 1878. С. 1—2.
- 8 Московский Телеграф. 1831. № 9. С. 108.
- 9 Гончаров И. А. Слуги старого века.— Гончаров И. А. Собр. соч. в 8 т. Т. 7. М., 1980. С. 134.
- 10 Обоз к потомству с книгами и рукописями. (Из записок Н.В.Сушкова).— Раут. Кн. 3. М., 1854. С. 255.
- 11 Гончаров И. А. Указ. соч. С. 134; Жихарев С. П. Записки современника. Т. 2. Л., 1989. С. 84; Булгарин и III Отделение в 1826—1831 гг. Публ. А. И. Рейтблата.— НЛО. 1993. № 2. С. 144. Обыгрывание стереотипа «зима — русская стихия» в литературе широко известно. Здесь позволим себе привести колоритный отрывок из сочинения Н.Н.Муравьева: «Когда я сказал одному из моих знакомых, что мы не хотим видеть благословений Божиих, России посылаемых, для образования прекрасных свойств ее народа, в уме и склонностях, тогда он, налюбовавшийся прелестями теплых климатов и сторон Европы, с удивлением ожидал развязки моей, так сказать, народной заносливости. Я указал ему на снег, ибо тогда была зима. Это произвело у него ироническую улыбку, и, казалось, не прежде воздал он моей простоте снисхождением, как уже я стал выводить из нашей зимы все прекрасные свойства ума и склонностей Русского, ибо он сам был Русской».— Некоторые из забав отдохновения, с 1805 года, Николая Назаревича Муравьева <...>. Ч. 1. СПб., 1828. С. 19.
- 12 Жихарев С. П. Указ. соч. С. 84.
- 13 Вацуро В. Э., Гиллельсон М.И. Сквозь «умственные плотины». М., 1986. С. 247. Подобные мнения можно встретить в литературно-критических сочинениях даже конца века. Что касается самого Шишкова, то он не считал свои занятия детской литературой пустячными, не скрывал своего авторства и даже гордился им (хотя должен был делать определенные уступки в пользу таких взглядов). Окружающие зачастую пользовались этой слабостью Шишкова в своих интересах, что ставило его в нелепые ситуации. Так, Н. И. Греч рассказывает, как Д. П. Рунич однажды пытался «подбиться» к Шишкову: «На экзамене гимназии Шишков, утомясь испытанием учеников в каких-то скучных предметах, вздумал посмотреть книги, разложенные на столе перед ним, для раздачи в награду ученикам. Взял одну и развернул: «О старом и новом слоге русского языка»; другую: «Разговор о словесности»; третью: «Детская библиотека» — все его собственные сочинения! Он видимо смутился. Шутники говорили, что потом, когда он, по приглашению попечителя, пришел к нему на завтрак, дети Рунича (а их была куча) запели хором из «Детской библиотеки»:
Хоть весною и тепленько,
А зимою холодненько и — пр.»
- Греч Н.И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 226. Напоминание Шишкову о его трудах в детской литературе — как комплимент и одновременно как средство завоевать его доверие или подчеркнуть искренность в выражении собственных чувств — часто встречается в письмах к нему. «Сердце мое привыкло вас уважать. На неопределенном поприще нашей Словесности вы поставили два маяка: один у колыбели детей, заключенный в Повестях Ваших. Другой для взрослых, сооруженный в книге Ваше<й> о старом и новом слоге» (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 6091. Л. 187—187об. Письмо С. Н. Глинки Шишкову 6 июня 1832). Ср. также: «Подарив Российское юношество превосходным творением Кампе, украшенным собственными произведениями Вашими, Ваше высокопревосходительство более нежели другие знает и цените достоинство книг, издаваемых в пользу воспитания <...>» (Там же. Л. 73. Письмо Б. М. Федорова 1 января 1827 г. Далее следует просьба о «представлении Августейшей фамилии <...> изданной ныне и сочиненной мною книги под названием «Детский цветник»).
- 14 Арзамас и арзамасские протоколы. Л., 1933. С. 119.
- 15 Булгарин и III Отделение... С. 144.

литературное
НОВОИ
обозрение

№ 6 (1993-94)

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Редакция

Ирина Прохорова (главный редактор)
Сергей Зенкин (теория)
Сергей Панов (история)
Татьяна Михайловская (практика)

Редколлегия

Константин Азадовский (Петербург)
Хенрик Баран (Олбани, Нью-Йорк)
Галина Белая (Москва)
Николай Богомолов (Москва)
Вадим Вацуро (Петербург)
Михаил Гаспаров (Москва)
Александр Жолковский (Лос-Анджелес)
Андрей Зорин (Москва)
Александр Лавров (Петербург)
Джон Малмстад (Кембридж, Массачусетс)
Александр Ошоват (Москва / Лос-Анджелес)
Омри Ронен (Анн Арбор, Мичиган)
Игорь Смирнов (Констанц / Мюнхен)
Роман Тищенко (Иерусалим)
Евгений Тоддес (Рига)
Александр Чудаков (Москва)
Михаил Ямпольский (Нью-Йорк)

МОСКВА